

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИМПЕРФЕКТЕ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

В основу этой статьи легла «Заметка об имперфекте совершенного вида», помещенная на сайте Института славяноведения РАН в электронном сборнике, посвященном юбилею А. А. Зализняка [Шевелева 2015]. За прошедшие три года интерес к проблеме имперфекта совершенного вида в древних славянских текстах заметно оживился: недавние работы О. Ф. Жолобова и Е. А. Мишиной существенно продвинули нас в понимании специфики этого грамматического феномена в восточнославянских памятниках [Жолобов 2015; 2016а; 2016б; Мишина 2015а; 2015б; 2017]. В свете результатов этих исследований возникла потребность в уточнении и дополнении соображений, высказанных в нашей «Заметке об имперфекте совершенного вида».

1. В классической работе Ю. С. Маслова [Маслов 1954; сокращенный и уточненный вариант: Маслов 1984/2004] подробно описана семантика и типы употребления имперфекта СВ в древнерусских памятниках на фоне данных других древних и новых славянских языков и показано, что регулярная представленность имперфекта СВ в так называемом кратноперфективном значении «многократно повторявшее[го]ся в прошлом действии[я], каждый отдельный акт которого достиг завершения» [Маслов 1984/2004: 150], отличает древнерусские памятники от старославянских, где имперфект от основ СВ, в том числе и в данном значении, крайне редок. Образцовый пример Ю. С. Маслова из Повести временных лет: *Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь* [ПВЛ, Лавр., 996 г., л. 43 об.] '...а когда подвыпьют, начинали роптать на князя' [Там же: 151].

При этом такое употребление имперфекта СВ сближает древнерусские книжные памятники с древнечешскими¹, а также со старохорватским и со-

¹ Как пишет Ю. С. Маслов, «(о)ба языка — древнерусский и древнечешский — обнаруживают поразительное сходство в этом вопросе, вплоть до деталей» [Маслов 1984/2004: 172].

временным болгарским языками [Маслов 1954: 92–111; 1984/2004: 148, 171–175], что позволило Ю. С. Маслову предположить возможность независимого параллельного развития кратного-перфективного значения имперфекта СВ (и вообще имперфекта СВ) в разных славянских языках на определенном этапе эволюции видо-временной системы [Маслов 1954: 132–138; 1984/2004: 175].

Кроме того, Ю. С. Маслов отмечает и некротные значения имперфекта СВ, которые он квалифицирует как модальные: значение возможности или готовности — *яко ся вмѣстѣ рука* ПВЛ, 1074 г., Лавр., 192 'сколько (едва) помещалось (поместится = может войти)'; близкое им значение нежелания субъекта произвести действие в контекстах с отрицанием — *и не припустяху его к собѣ* ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 92 '...не хотели пустить' и под. [Маслов 1954: 112–113; 1984/2004: 165–167] — эти значения относительно редки для восточнославянских памятников, как, впрочем, и для старославянских (см. подробнее ниже); Ю. С. Маслов предполагает, что они развились еще позже кратного-перфективного [Там же]².

После работы Ю. С. Маслова кратного-перфективное значение имперфекта СВ стало рассматриваться как характерная черта ранней вост.-слав. книжной традиции, отличающая ее от старославянского языка.

Особенно характерен имперфект СВ для киевских памятников XII в. — Повести временных лет (ПВЛ), Жития Феодосия Печерского (ЖФП), Слова о полку Игореве (СПИ). Наличие имперфекта СВ в СПИ — точно в том же кратного-перфективном значении, которое широко представлено в ПВЛ и ЖФП, — А. А. Зализняк рассматривает как один из грамматических признаков, свидетельствующих о принадлежности СПИ киевскому XII в. и тем самым доказывающих подлинность СПИ [Зализняк 2008: 94–106]. Как показал А. А. Зализняк, во всех случаях употребления этих форм в СПИ (а число их относительно общего количества форм имперфекта в тексте достаточно велико) имперфект СВ точно соответствует кратного-перфективному значению и типу контекстного употребления, известному по ПВЛ и ЖФП [Там же: 101–105] (например, в СПИ: *Камо туръ поскачѣе своимъ златымъ шоломомъ посвѣчивая тамо лежать поганья головы Половецкыя* 'всякий раз] куда бы ни поскакал' ('куда ни поскачет, там лежат...') [Там же: 102–103] и др.). Эта грамматическая особенность, объединяющая СПИ с ПВЛ и ЖФП, бесспорно свидетельствует о связи СПИ с киевской традицией XII в. [Там же].

В работах Е. А. Мишиной и О. Ф. Жолобова оспаривается положение о нехарактерности имперфекта СВ, в том числе в его основном кратного-перфективном значении, для старославянского языка; сомнения «в восточнославянск(ом) статус(е) подобных форм» высказывались ранее В. Б. Крысько [Крысько 2014: 123–124; ср. 2011: 827–829]. Действительно, примеры

² Характеристика семантики этих значений дана у Ю. С. Маслова лишь в самых общих чертах из-за их нечастой встречаемости в текстах (см. об этом ниже, п. 5).

форм имперфекта СВ в старославянских текстах отмечались исследователями. Так, еще А. Вайан указывает на возможность образования имперфекта от глаголов СВ и называет такие примеры в старославянских (ст.-сл.) памятниках: один пример в сборнике Клоца (**ѣмъже сѧ оутѣкнѣаше, кланѣаше сѧ емоу** Клоц. 582) и несколько примеров из Супрасльской рукописи (Супр.), где, по словам А. Вайана, имперфекты совершенного вида встречаются «довольно часто», они означают (как и в единичном примере из Клоц.сб.) «возможность, обычность или кратность действия» (**егда бо въ ратехъ обрѣтахомъ сѧ и помолтахомъ бога** Супр. 72, «где совершенный вид **помолтахомъ** обозначает “всякий раз, как мы молили”», и др.) [Вайан 1952: 379–380] — значение, известное нам по восточнославянским (вост.-слав.) текстам.

Е. А. Мишиной и О. Ф. Жолобовым тщательно проанализирован материал ст.-сл. памятников — в результате обнаружилось, что употребление имперфекта СВ в Супрасльской рукописи вполне сопоставимо с такими вост.-слав. текстами, как Киевская летопись (КЛ), Суздальская летопись (СЛ), Галицкая и Волынская летописи (ГЛ и ВЛ) и ранние древнерусские переводные памятники; отмечено также по одному примеру в ст.-сл. Клоц.сб. и Саввиной книге [Жолобов 2016а: 69–72; Мишина 2017: 4–7]³. В названных работах показано, что эти ст.-сл. примеры — подавляющее большинство которых приходится на Супр.⁴ — демонстрируют то же значение имперфекта СВ, что и в использующих подобные формы киевских памятниках XII в., ср., например:

не внегода ли кгда начьнѣхомъ сѧ брати глаголаахомъ ѱалмоса сего Супр. 37, 9—10 ‘Не всегда ли, как начнем бороться, произносим этот псалом’ [Жолобов 2016а: 70; Мишина 2017: 4];

ср. также яркий пример из Супр. с изложением известного евангельского рассказа о схождении ангела в купель и «возмущении воды»:

сънидѣаше тамо рече анѣлъ и възмжштѣаше водѣ. и иже би вьлѣзѣ по възмжштѣнии воды. наслаждааше сѧ ицѣлѣныа. <...> тамо оубо иже снидѣаше по прѣвѣѣмъ. оубо не ицѣлѣаше (Супр. 248 об., 10–16) ‘всякий раз, как сходил (сойдет) ангел и возмущал (возмутит) воду, первый из больных, кто опускался в воду, [всегда] получал исцеление.

³ В [Жолобов 2016а: 69] приведен еще пример из Мариинского евангелия, однако он менее надежен.

⁴ Надо заметить, что точные количественные данные по имперфекту СВ в Супр. в этих работах несколько разнятся: Е. А. Мишина насчитывает в Супр. 13 форм имперфекта от глаголов СВ, О. Ф. Жолобов, опираясь на характеристику видового значения основы по данным Старославянского словаря, — 17 форм. Такие колебания связаны, по всей видимости, с неоднозначностью определения в ряде случаев видового значения основ и принципами отбора бесспорных примеров (см. об этой проблеме ниже).

⟨...⟩ а следующий [после первого] кто ни сойдет, уже не исцелялся (не исцелится)’ [Жолобов 2016а: 70; 2016б: 93; Мишина 2017: 5].

Эти данные, несомненно, убеждают в том, что перфективный имперфект с тем же основным значением, что в восточнославянских памятниках, был вполне известен и старейшим южнославянским текстам — старославянским: в отношении употребления имперфекта СВ те и другие «различались все же не столь принципиально» [Мишина 2017: 5]. Почти полное отсутствие таких примеров в ст.-сл. евангелиях Е. А. Мишина и О. Ф. Жолобов предлагают объяснять дискурсивно-прагматическими факторами: особым типом евангельского нарратива, в котором повторяющиеся события встречаются редко [Мишина 2015; 2017: 5; Жолобов 2016а: 72].

Следует, правда, заметить, что и Ю. С. Маслов говорит не об отсутствии имперфекта СВ в старославянском языке, а о том, что для старославянского языка такое употребление мало характерно, т. е. представлено лишь в небольшом числе примеров, — старославянский язык «значительно реже пользуется имперфектом совершенных глаголов, чем языки древнерусский и древнечешский» [Маслов 1954: 99].⁵

Обратим при этом внимание на то, что абсолютное большинство приводимых всеми исследователями ст.-сл. примеров имперфекта СВ принадлежит Супр. рукописи — единственному старославянскому памятнику, знающему имперфект СВ и по его представленности сопоставимому с памятниками восточнославянскими (см. выше). Предлагаемое объяснение этого отличия Супр. от прочих ст.-сл. текстов, прежде всего от ст.-сл. евангелий, только спецификой евангельского дискурса (см. выше) сталкивается с определенными трудностями.

Обратим внимание, что приведенный выше пассаж из Супр. о «возмущении воды» и исцелении всякого, кто первым опускался в воду, восходит как раз к евангельскому тексту и в старейших евангельских кодексах он читается без имперфекта СВ — ср. в Мариинском евангелии: **анѣл бо гнѣ на всѣхъ лѣта съхощааше въ кѣпелѣ и възмѣштааше водѣ. и ниже прѣвѣ вълажааше по възмѣштѣнии воды. сѣдравъ бывааше ѿцѣмъ же недѣгомъ одръжимъ бывааше** (Мар.ев., Ио. 5:4); ср. также приведенное О. Ф. Жолобовым чтение вост.-слав. Типографского евангелия XII в.: **анѣлъ бо гнѣ на всѣхъ лѣта съхощааше въ кѣпелѣ и възмѣщааше водѣ. и ниже прѣвѣкъ вълажааше по възмѣщеніи воды. сѣдравъ бывааше. ѿцѣмъже недѣгомъ ѿдрѣжимъ бывааше** (ЕвТип 144в, 6–15) [Жолобов

⁵ Ю. С. Маслов приводит представляющиеся ему надежными ст.-сл. примеры имперфекта СВ: их насчитывается 7 для кратко-перфективного значения и 3 для модального значения «отрицаемой возможности (готовности)» (типа **многѣмъ же часѣмъ минѣвшѣмъ и ношѣмъ оуже прѣполовѣшѣмъ сѣ не прѣстанѣѣмъ тѣмъжѣмъ и великомъ гласомъ выпѣжѣмъ** Супр., 515, 18 ‘не хотела перестать’) [Маслов 1954: 99–100, 114–115], причем наиболее яркие приведенные в недавних работах ст.-сл. примеры входят в их число.

20166: 93] — по-видимому, именно таким было исконное чтение ст.-сл. перевода Евангелия.

Появление имперфекта СВ в этом контексте, прекрасно соответствующем условиям реализации кратного-перфективного значения, является особенностью именно Супр. рукописи, отличающей ее от основного корпуса ст.-сл. текстов, — контекстные условия для использования имперфекта СВ здесь, как мы видим, максимально благоприятны.

Старославянские тексты в данном отношении еще нуждаются в исследовании, однако предположение об отсутствии в них необходимых для употребления перфективного имперфекта типов контекста вызывает сомнения. Показательны с этой точки зрения и отмечавшиеся исследователями примеры имперфекта СВ в древнечешских библейских переводах (XIV—XV вв.), в том числе и в евангелиях, — в ст.-сл. евангелиях в соответствующих чтениях имперфект СВ отсутствует (см. примеры: [Маслов 1954: 94; Гавранек 1962: 180]). Условия для реализации кратного-перфективного значения в этих контекстах оказываются вполне подходящими, однако в кирилло-мефодиевском переводе имперфект СВ не используется.

Причины этих различий в отношении к имперфекту СВ между ст.-сл. евангельскими текстами и Супр. надо искать, думается, не только в различиях типа дискурса.

Стоит обратить внимание на то, что в Супр. представлены и другие особенности в употреблении глагольных форм, отличающие ее от прочих ст.-сл. памятников. Прежде всего это достаточно частое употребление перфекта 3 л. без связки, из всех ст.-сл. памятников известное с такой частотностью только в Супр. [Вайан 1952: 280] — черта, также сближающая Супр. с памятниками русского извода церковнославянского языка. Эти черты сходства Супр. с языком ранних вост.-слав. книжных текстов (а также западославянских — ср. выше о сходстве употребления имперфекта СВ в древнерусских и древнечешских памятниках) явно неслучайны, и вряд ли они объясняются только дискурсивными факторами — перед нами системное сходство в сфере форм прошедшего времени. Возникает вопрос о диалектной основе этих специфических особенностей, отличающих язык Супр. от большинства ст.-сл. памятников.

Как известно, вопрос о диалектной локализации Супр. сложен, т. к. сборник, видимо, представляет соединение текстов «различного происхождения»; рукопись считают восточноболгарской, однако несомненно содержащей некоторые западославянские (чешско-моравские) черты [Там же: 21–22], например отражение рефлексов **ort* > *ро-* (*рѡботѣ* 58, *рѡзвити* 522, *рѡзбѡиникѣ* 558, 559, *рѡзвѣ* 401, 556, 559 и др.) [Там же: 61].

Заметим, что еще один пример имперфекта СВ из ст.-сл. источников принадлежит Клоц.сб. (см. выше) — памятнику, также с западославянскими диалектными чертами [Там же: 21].

Естественно возникает вопрос о том, нет ли связи между этими западославянскими чертами, отраженными в Супр. (и Клоц.сб.), и особенно-

стями Супр. в системе прошедших времен — употреблением имперфекта СВ и перфекта 3 л. без связки. Причем это может быть даже отражением не собственно западнославянизмов, восходящих к протограммам соответствующих текстов, а системы восточно-болгарских диалектов XI в., обнаруживающей в данном отношении сходство с системами диалектов западнославянских (древнечешских) и восточнославянских и отличающейся от системы, представленной в кирилло-мефодиевских переводах.

Помимо названных примеров из Супр. и Клоц.сб., в старославянских памятниках обнаружен один пример имперфекта СВ из восточноболгарской Саввиной книги — в значении, которое в широком смысле тоже можно трактовать как кратнo-перфективное (в силу наличия идеи кратности действия), но не в самом типичном для него контексте — вне соотнесения с другими имперфектами в паре или цепи, ср.: **и прѣидѣше ѿс грады всѧ. и всѧ оуча въ сѣньмицихъ...** (Сав.кн., л. 40б, с. 203) ‘И прошел/проходил Иисус все города, уча...’ (см. об этом контексте [Мишина 2017: 7])⁶.

2. Благодаря последним исследованиям расширился круг известных нам переводных вост.-слав. памятников, в которых зафиксирован имперфект СВ: такие формы обнаружены в Синайском патерике конца XI в., в обоих житиях из Выголексинского сборника конца XII в. (Житии Нифонта и Житии Феодора Студита — ЖН и ЖФС), в Изборнике 1073 г., см. [Жолобов 2016а; 2016б; Мишина 2017]⁷; примеры имперфекта СВ отмечены также в переводных житиях старших списков Пролога [Крысько 2011: 828–829]. Большинство этих текстов, известных в ранних вост.-слав. списках, представляют переводы южнославянского происхождения (исключение в этом перечне составляет, видимо, только ЖФС, перевод которого восточнославянский [Пичхадзе 2011]).

Надо заметить, правда, что отбор безусловно надежных примеров имперфекта СВ представляет определенную сложность, с чем могут быть связаны и некоторые различия в статистических данных у разных исследователей (см. выше примеч. 3). Помимо омонимии форм имперфекта от основ СВ на *-i-* и производных от них основ НСВ на *-a-* (типа *отъпуцаше* — от *отъпустити* и от *отъпуцати*, *обличаше* — от *обличити* и от *обличати*, *прославляше* — от *прославити* и от *прославляти* и т. п., см. об этом [Зализ-

⁶ К числу древнейших славянских переводов, возможно связанных с деятельностью Мефодия, предполагают отнесение также Скитского патерика, в тексте которого неоднократно употребляется имперфект СВ, — В. Б. Крысько считает эти данные свидетельством в пользу наличия перфективного имперфекта в языке ранних южнославянских переводов [Крысько 2014: 123–124].

⁷ Наличие таких примеров в Изборнике 1073 г., правда, отмечал еще Ю. С. Маслов, причем он считал более вероятным, что «имперфекты совершенного вида имелись уже и в протографе» Изборника, т. е. могут быть отнесены к южнославянским (старославянским) [Маслов 1954: 100].

няк 2008: 95]), двусмысленны в видовом отношении оказываются также образования от исконно неохарактеризованных по виду основ (простых бесприставочных) и видовые омонимы СВ — НСВ на *-a-* (типа *показати, отъръзати, прочитати* и под.⁸). Хотя все исследователи исходят из того, что любые двусмысленные в плане видового значения имперфекты из подсчетов исключаются, спорные случаи среди приводимого материала все-таки встречаются. Так, среди имперфектов СВ Синайского патерика приводится форма *речаше* (*аще когда речаше юмоу братъ. како хоцю ти рещи мысль своѧ. глаше юмоу съ кротъкомъ гласомъ...* СинПат, 92) — контекст вполне соответствует кратнo-перфективному значению [Жолобов 2016а: 74]. Вероятно, эта форма действительно имеет здесь значение СВ, однако надо иметь в виду, что бесприставочный глагол *рещи* (*речи*) исконно был неохарактеризован по виду, и, хотя в эпоху старейших текстов он, скорее всего, уже имел значение СВ, следы его былой неохарактеризованности проявляются в возможности образования презентного причастия типа *рькуще* (*рькуче, рекуче*), *реки* (*река*) и под. — нет гарантии, что и имперфект типа *речаше* не стоит в том же ряду.

Встречаются в списках приводимых примеров и имперфекты от омонимичных основ СВ — НСВ на *-a-* (*-ja*), например: *показаше* ЖФС, 154; *привазааше* Изб. 1073 г.; *помазааше* ЖН, 28; *покрыаше* СинПат, 116 об. и некоторые др. (см. [Жолобов 2016а: 72–74; 2016б: 94]).

Число надежных форм имперфекта СВ в названных памятниках оказывается все же несколько меньшим, однако в целом это принципиально не меняет общей картины: имеющийся теперь материал свидетельствует о наличии перфективного имперфекта в этих переводных текстах.

Сомнений в том, что кратнo-перфективный имперфект СВ был известен в XI в. на южнославянской территории, нет. Наличие такого употребления в восточно-болгарской зоне в XI в., сближающейся, видимо, в данном отношении с восточнославянской и западнославянской (древнечешской), бесспорно. Неясным остается вопрос о том, чем объясняется отсутствие имперфекта СВ в большинстве ст.-сл. памятников.

Ю. С. Маслов шел по пути объяснения этого факта большей древностью ст.-сл. переводов («старославянского языка») сравнительно с другими зафиксированными древними славянскими языками — именно на этом базируется его гипотеза об относительно позднем и независимом (параллельном) развитии имперфекта СВ в отдельных славянских языках [Маслов 1954: 132–138; 2004/1984: 175]. Старославянский язык оценивался Ю. С. Масловым как язык еще со слабым развитием имперфекта СВ, стоящий «несколько особняком» сравнительно с древнерусским, древнечешским, старохорватским и особенно современным болгарским, где имперфект СВ получает регулярное развитие [Маслов 1954: 104, 132–134].

⁸ Об омонимии тематического *-a-* и суффикса имперфективации *-a-* в таких образованиях см. [Кукушкина, Шевелева 1991: 43–44].

Можно согласиться с О. Ф. Жолобовым в том, что гораздо естественнее совпадающие данные разных славянских языков трактовать как свидетельство праславянского происхождения имперфекта СВ (см. [Жолобов 2016а: 74–76]). Однако это не отменяет возможности существования диалектных различий и в степени употребительности имперфекта СВ, и в представленности того или иного типа его употребления, в том числе и различий внутри южнославянского и восточнославянского ареалов.

Проблему отсутствия имперфекта СВ в ст.-сл. переводе евангелия вряд ли можно объяснить более архаичной системой живых славянских диалектов времени этого перевода, как это предлагал Ю. С. Маслов, но объяснение данного факта так или иначе надо связывать со спецификой языка перевода: это может быть как отражением каких-то диалектных различий в употребительности имперфекта СВ, так и особенностью языка ст.-сл. евангелий, возможно — некоторой экспрессивной маркированностью имперфекта СВ, сдерживающей его использование. Не будем забывать, что во всех славянских языках, знающих имперфект СВ, употребление этой формы характеризуется в значительной степени факультативностью (см. материалы в [Маслов 1954], см. подробнее об этом ниже). Данные ст.-сл. языка еще нуждаются в исследовании, но при этом все сказанное никак не противоречит возможности существования диалектных различий в употребительности имперфекта СВ по славянским диалектам в эпоху XI–XII вв.

Для нас сейчас главный интерес представляет вопрос о наличии таких различий на восточнославянской территории — именно этой проблеме посвящена заметка [Шевелева 2015].

А. А. Зализняк обратил внимание на то, что широкая представленность имперфекта СВ характерна для южнодревнерусских памятников и нехарактерна для новгородско-псковских: имперфекты СВ практически отсутствуют в Новгородской первой летописи (НПЛ) обоих изводов и в псковских летописях. Тем самым предполагается существование диалектного различия по данному признаку внутри восточнославянской зоны, относящегося к древнерусской эпохе [Зализняк 2008: 98–99].

Е. А. Мишина склонна относить почти полное отсутствие имперфекта СВ в НПЛ за счет типа дискурса [Мишина 2017: 6] — отличного в том числе и от летописей Южной Руси.

Показательным в этой связи оказывается сравнение представленности имперфекта СВ в старших списках Повести временных лет (ПВЛ), включая отражающую Начальный свод конца XI в. Новгородскую первую летопись младшего извода (НПЛмл), а в некоторых записях — и старшего извода (НПЛст).

Обратимся к нашим данным.

3. Из всех списков ПВЛ шире всего имперфект СВ представлен в Лаврентьевском (Лавр.), отражающем первую редакцию ПВЛ. В более поздних Академическом (А) и Радзивилловском (Р) списках той же группы и в

меньшей степени в Ипатьевском списке (Ипат.), отражающем вторую редакцию ПВЛ, встречаются замены имперфекта СВ на имперфект НСВ или на презенс СВ, детально проанализированные Ю. С. Масловым [Маслов 1954: 85–92; 1984/2004: 156–165]. Эти замены демонстрируют утрату древнего грамматического способа выражения кратности и перфективности в прошлом одной формой и переход к современному типу употребления в таких контекстах либо прошедшего НСВ, либо презенса СВ в претеритальном контексте — «жертвовать приходилось либо совершенным видом, либо прошедшим временем», причем последнее оказалось возможным только за счет помощи претеритального контекста [Маслов 1984/2004: 165].

Лаврентьевский список в этом пункте (впрочем, как и во многих других), очевидно, лучше всего сохраняет текст составителя ПВЛ 10-х гг. XII в.

Максимальной употребительности имперфект СВ достигает в рассказах ПВЛ о событиях в Печерском монастыре, прежде всего в статье 1074 г. — рассказах о печерских старцах, где представлено около половины всех случаев имперфекта СВ (в Лавр. — 28 примеров). Имперфекты СВ здесь встречаются практически на каждом листе (л. 62–66), причем неоднократно, складываясь в парные и цепные конструкции, ср.

И тако изидаше из мон^астырѧ взямаа мало коврижекъ. [и]вшедь в пещеру и затвораше двери пещерѣ и засыпаше перстью и не ѣлше никомуже. аще ли будаше нужное орудье. то оконцемъ малымъ бѣсѣдоваше (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 62 об. = Ипат., л. 68, А — *будеть*);

Аще братъ етеръ выидаше из манастира. всѧ бра^тѧ имаху ѿ томъ печаль велику (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 63 об.; Ипат. — *вън идаше*, л. 69 об.);

Аще кто коли принесаше дѣтищъ боленъ каѣмъ либо недуго^м одержи^т. принесаху в манастирь (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 63 об.; Ипат. *принесаше*, но *приношаху*, л. 70);

Аще котори братъ оумышляше ити из манастира и оузраше и пришедь к нему обличаше мысль юго и оутѣшаше брата. Аще к нему что речаше ли добро ли зло. сбудашетсѧ старче слово (ПВЛ, 1074 г. Лавр., л. 63 об.; РА — *збывашетьсѧ*; Ипат. — *оузраше*, но *сбывашетьсѧ*, л. 70);

ср. в рассказе о бесе, искушавшем монахов во время церковной службы:

аще прилнаше кому цѣтокъ. в поющихъ ѿ братьѧ. мало постоявъ и раслабленъ оумо^м. вину створи каку либо изидаше ис цркви. шедъ в кѣлю и оуснаше и не възвратшетсѧ в цркъв до ѿпѣтыѧ (ПВЛ, 1074 г. Лавр., л. 64; Ипат. — *прилнаше*, но *исходаше*, *спаше*, л. 70 об.). *Аще ли вержаше на другаго и не прильнаше к нему цѣтокъ. стояше крѣпо^ю в пѣньи дондеже ѿпокаху оутренюю и тогда изидаше в кѣ//люю свою* (ПВЛ, 1074 г. Лавр., л. 64–64 об.; Ипат. *не прилнаше*, *ѿпокаху*, но *идаше*, л. 70 об.) — и др. на л. 65, 65 об. (9 форм имперфекта СВ!), л. 66.

Встречаются имперфекты СВ и в записях 90-х гг. XI в.: *Аще кто выльзаше ис хоромины хотя видѣти. абые оуказвень будаше невидимо ѿ бѣсовъ* (ПВЛ, 1092 г., Лавр., л. 71 об; РА — *вылазаше, будеть*; Ипат. — явно вторичное дефектное чтение *выльзаше*, во втором случае *баше*) — см. подробнее об этом контексте ниже; ср. в панегирике Владимиру из Повести об ослеплении Василька Тербовольского:

Володимиръ бо такъ баше любезнѣвъ любовь имѣа к митрополитѣмъ и къ епископѣмъ и къ игуменѣмъ. паче же чернецьскыи чинѣ любѣа и черницы любѣа приходящаа к нему напиташе и напакаше аки мѣти дѣти своя. аще кого видаше ли шюмна ли в коем зазорѣ не осудаше но всѣа на любовь прекладаше (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 89; РА = Ипат., XII — *осужаше*)⁹ и др.

В начальной части ПВЛ имперфекты СВ встречаются несколько реже, но они тоже есть. Хорошо известные примеры читаются в этногеографическом Введении, добавленном, по общему мнению (см. об этом, например, [Гиппиус 2006б: 84–87]), составителем ПВЛ в 10-х гг. XII в.:

Аще поѣхати будаше ѿбърину. не дадаше въпрачи конѣа ни вола. но велаше въпрачи .Г. ли .Д. ли .Ѧ. женѣ в тельгу (ПВЛ, Введ., Лавр., л. 4 об.); *Аще кто оумраше твораху трызно надѣ нимъ и по семь твораху кладу велику и възложашу и на кладу мртвца. сожъжашу. и посемь собравше кости вложашу в судину малу и поставашу на путе^х* (ПВЛ, Введ., Лавр., л. 5; Ипат. — *оумраше*, но *возложить, съжсгаху*, далее имперфект СВ *вложашу* и двусмысленный *поставашу*, л. 6 об.).

Не менее известный пример принадлежит рассказу о пире Владимира под 996 г. (именно этот пример приводится Ю. С. Масловым в качестве образцового — см. выше):

Егда же подъпыхахуться начынахуть роптати на князь (ПВЛ, 996 г., Лавр., л. 43 об. = Ипат., л. 47 об.).

Это описание жизни Владимира после крещения восходит к предшествующим ПВЛ сводам XI в., по-видимому — к своду начала 70-х гг. XI в. [Гиппиус 2012: 54].

К тому же времени, скорее всего, восходит и «Речь Философа» [Там же], в составе которой тоже читается имперфект СВ:

Егда сѣ начаху каати и помиловашеть и^х (ПВЛ, 986 г., Лавр., л. 32 об.; Р — *начинаху*, А — дефектное *начаше*; Ипат. — *и егда сѣ начну каати*, л. 38 — очевидно, презенс без *-ть* или результат контаминации презенса и первоначального имперфекта СВ).

⁹ Видовая принадлежность имперфектов *напиташе* и *прекладаше* от омонимов СВ—НСВ на *-а-* не может быть определена однозначно, но более вероятным представляется видеть в них образования от вторичных имперфективов с суффиксом *-а-*, т. е. имперфект НСВ.

Правда, «Речь Философа» содержит и более поздние вставки составителя ПВЛ, но наш пример хоть и находится в относительной близости от такой вставки (см. [Гиппиус 2001: 159–160]), с большей вероятностью принадлежит раннему слою текста.

Таким образом, имперфекты СВ фиксируются уже в записях ПВЛ, восходящих к сводам последней трети XI в., при этом в поздней части ПВЛ их употребительность растет. В абсолютном большинстве примеров ПВЛ имперфект СВ выступает в типичных контекстах кратного-перфективного значения (см. приведенные примеры).

Обратимся к Новгородской первой летописи. Как известно, НПЛМл отражает предшествующий ПВЛ и лежащий в ее основе Начальный свод 90-х гг. XI в.¹⁰ В части НПЛМл, имеющей соответствие в полной версии ПВЛ по Лавр. и Ипат. спискам, все имперфекты СВ полностью устранены: они заменены либо на имперфект НСВ, либо на аорист СВ, либо на презент СВ в контексте прошедшего.

Так, в раннем примере из рассказа о пирях Владимира вместо имперфектов СВ: *Егда же подъпыхуься начьнахуь роптати...* (996 г., Лавр., л. 43 об — см. выше) — читается: *Егда же подпыхахуся, начаша роптати...* (996 г., НПЛМл, л. 73 об.). В контексте из «Речи Философа» вместо: *Егда сѧ начаху каати и помиловашеть и^х* (986 г., Лавр., л. 32 об.) — читается: *Егда сѧ начинаху каяти...* (986 г., НПЛМл, л. 54 об.).

Подобные замены обнаруживаются и в печерских рассказах из статьи 1074 г. — правда, в НПЛМл эта статья обрывается на рассказе о смерти Феодосия Печерского и большая часть имперфектов СВ из Лавр. летописи здесь просто не имеет соответствий, однако начальная часть статьи сохранена, и сразу же обнаруживаются замены, ср. приведенный выше контекст:

И тако изидаше из монастыря взямаа мало коврѣсекъ.[и] вшедъ в пещеру и затвораше двери пещерѣ и засыпаше перстью и не глѣше никому же. Аще ли боудаше нужное орудье.то оконцемъ малы^м бесѣдоваше (1074 г., Лавр., л. 62 об. = Ипат., л. 68) 'и так выходил (каждый раз) из монастыря... и, войдя в пещеру, затворял двери... если же случалось (случится) необходимое дело, беседовал через окошко' — ср. в НПЛМл: *и тако исхожаше изъ манастиря, взимая мало хлѣба, единъ укрух, и пакы вшедши в пещеру, затворяше двери пещерѣ и засыпаше перстью, не глаголаше никому же; аще ли кому бываше нужное орудье, то оконцемъ малы^м бесѣдоваше* (НПЛМл, л. 97).

В принципе все эти замены тех же типов, что и в РА списках Лаврентьевской группы и частично в Ипат. версии ПВЛ (см. выше), но здесь они особенно последовательны. НПЛ вообще не сохраняет имперфектов СВ в части, восходящей к ПВЛ.

¹⁰ На некоторых участках, в частности в записях с 1045 по начало 1074 г., текст НПЛМл восходит непосредственно к ПВЛ (см. [Гиппиус 2007: 25–26]).

Возникает вопрос, принадлежат ли эти замены поздним переписчикам НПЛмл или первоначальному тексту Новгородской летописи — общему протографу обоих изводов, так называемому «официальному экземпляру новгородской владычной <...> летописи, в основе которого лежал княжеский свод, созданный около 1115 г.» [Гиппиус 2012: 40]. На первый взгляд, предположение о подновлениях позднейших переписчиков кажется более естественным, тем более с учетом аналогичных (хоть и не столь последовательных) замен в версии Ипат. летописи и особенно в поздних списках Лавр. и Ипат. групп.

Обратим, однако, внимание на контекст из статьи 1092 г., восходящий к следующим после текста Начального свода выдержкам из киевского летописного источника [Там же: 40] и читающийся с заменами имперфекта СВ в обоих изводах НПЛ. Это рассказ о загадочном бедствии в Полоцке, частично уже приводимый выше, — приведем этот контекст полностью:

Предивно бы^ѣ [чюдо] Полотъскѣ въ мечтѣ ны бываше в ноци станше по длицѣ. яко члѣви рицюще бѣси. Аще кто вылѣзаше ис хоромѣны. хота видѣти. абѣ оуказень будаше невидимо ѿ бѣсовъ извою и с того умираху (1092 г., Лавр., л. 71 об.) 'если кто выходил (выйдет) из дому, желая увидеть, он тотчас был (бывал, будет) невидимо ранен бесами' —

ср. в младшем изводе НПЛ:

Наидѣ рана на Полочаны, яко нѣкако бѣше ходити по улицамъ, яко мнѣти вои множество, а конемъ копыта видѣти; да аще кто из избѣ вылазаше, напрасно убиень бываше невидѣмо (1092 г., НПЛмл, л. 98 об.);

в старшем изводе НПЛ:

да аще кто из ытьбы вылезеть, напрасно убиень бываше невидимо (НПЛст, 1092 г., л. 6).

Этот контекст, читающийся с заменами имперфекта СВ в обоих изводах НПЛ (правда, неполностью совпадающими) и явно восходящий к общему протографу НПЛст и НПЛмл, склоняет в сторону предположения о ранней датировке таких замен. Чтение НПЛст с заменой имперфекта СВ киевского источника на презенс СВ (*вылезеть*) и имперфект НСВ (*бываше*) — переписчика XIII в., точно копирующего, как показано в [Гиппиус 2006а], свой протограф XII в., — несомненно свидетельствует о том, что по крайней мере в данном контексте эти замены восходят к XII в. Тем самым этот контекст НПЛст показывает, что не следует все замены имперфекта СВ в НПЛмл приписывать переписчикам XV в.

Приведенные данные свидетельствуют в пользу предположения о нехарактерности имперфекта СВ для новгородских памятников XII в.

Обратим при этом внимание, что в НПЛмл читается один имперфект СВ в Предисловии, отсутствующем в ПВЛ и восходящем, как показал А. А. Гиппиус, к Начальному своду 1090-х гг. [Гиппиус 2006б; 2010]:

тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ вирь...; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ// на оружье (НПЛмл, л. 1–1 об.) — наиболее вероятно видеть в этой форме *будяше* воспроизведение «аутентично[го] употреблении[я] книжника конца XI в.» [Гиппиус 2010: 182].

Еще один пример имперфекта СВ читается в НПЛмл под 922 г. — он тоже не находит соответствия в ПВЛ, где статья этого года (в Лавр. и Ипат. и соответствующих поздних списках) вообще оставлена незаполненной. Здесь имперфект СВ имеет, по всей видимости, модальное значение в контексте отрицания — реже, чем кратно-перфективное, но тоже встречающееся в киевских памятниках XII в. (см. [Маслов 1984/2004: 165–167; Мишина 2012; 2017: 7–10])¹¹, ср.:

...и примучи Угльчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣндельду. И не вдадѣшесѣ единѣ град, именемъ Пересѣченѣ (922 г., НПЛмл, л. 31) 'не хотел отдаться' —

ср. в ПВЛ: *а Двѣдъ Игоревичъ сѣдѣше кроме и не припустиху его к собѣ* (1100 г., Лавр., л. 92 — так же Ипат., л. 94) 'не хотели пустить' [Маслов 1984/2004: 166; Мишина 2017: 7–8], ср. в Киевской летописи: *тотъ бо не вдадѣше Мьстиславу вѣстати ратью по Ирѣславѣ* (КЛ, 1128 г., Ипат., л. 108 об.) 'не дал/не хотел дать' [Там же] — подробнее об этом значении имперфекта СВ см. ниже.

Эти два примера имперфекта СВ в НПЛмл восходят, по всей видимости, к киевскому Начальному своду начала 90-х гг. XI в. При этом большая часть таких форм, имевшихся, очевидно, в Начальном своде, была устранилена в новгородской летописи XII в.

Рассмотренные данные старейших летописей свидетельствуют в пользу гипотезы о нехарактерности имперфекта СВ для новгородской традиции XII в. — в отличие от традиции южнодревнерусской. Обратим внимание на то, что абсолютное большинство и вновь исследованных источников, где обнаружен имперфект СВ, имеет южнорусскую локализацию: ВыгСб конца XII в., Изборник 1073 г., перевод Истории Иудейской войны И. Флавия (ИИВ) — все юго-западного происхождения; такую же локализацию имеет, скорее всего, и СинПат конца XI в. При этом два текста из этого списка переводных памятников, содержащих перфективный имперфект, представляют собой переводы вост.-слав. происхождения (ЖФС и ИИВ — см. [Пичхадзе 2011: 36–39, 41–42 и др.]), остальные — видимо, восточно-болгарского.

4. Однако гипотеза о нехарактерности имперфекта СВ для новгородских памятников XII в. и более поздних сталкивается с проблемой интерпрета-

¹¹ Е. А. Мишина называет такое значение имперфекта СВ «имперфектом напрасного ожидания» — см. подробнее ниже.

ции данных Жития Андрея Юродивого (ЖАЮ) — старейшего переводного памятника северо-западного происхождения. Перевод ЖАЮ относится к концу XI в. или самому началу XII в. и широко отражает древненовгородские особенности на всех уровнях [Молдован 2000: 16–18, 31, 103–107 и др.].

В ЖАЮ имперфект СВ встречается, хоть и не столь часто, как в киевских памятниках XII в. (ПВЛ, ЖФП, СПИ): здесь отмечено 13 примеров на около 760 случаев форм имперфекта [Зализняк 2008: 97], что примерно в 5 раз меньше доли имперфекта СВ в ПВЛ. При этом значение и типы употребления имперфекта СВ в ЖАЮ совершенно тождественны тем, что мы видели в ПВЛ и других южнодревнерусских источниках.

Все имеющиеся в ЖАЮ примеры имперфекта СВ имеют кратно-перфективное значение; синтаксические контексты сходны с теми, что представлены в ПВЛ; так же, как в рассмотренных выше примерах из ПВЛ, имперфекты СВ часто формируют парные и цепные конструкции, ср.:

Егда же ноць настанаше, вѣсташа ѿтуда чресь всю ноць прѣдъ дверми церкви прибываше въ мѣтвахъ и в моленъи (ЖАЮ, Тип., л. 20) ‘когда наступала ночь (всякий раз)...’;

ср. ряды имперфектов СВ в рассказе о том, как нищие всякий раз отбирали у Андрея поданную ему милостыню:

...нѣ оугладаше мѣсто таино. кѣмъ будаше сборъ нищихъ да идаше к нимъ. носаша чаты в руцѣхъ творѣ сѣ играѣ да быша не разумѣѣ дѣла юго. сѣдѣ начнаше играти чатыми. да югда кто ѿ нищихъ дерзнувъ въсхыщаше оу него. пѣхнаше юго пѣстью. се же видивше прочѣи нищии мѣстити хотѣше друга своего поидашу на нѣ с батоги. вину же обрѣтъ бѣганьѣ. повѣргъ же чатѣ побѣгнаше ѿ нихъ. они же к тому начнаху грабити чаты юго (ЖАЮ, Тип., л. 10 об.);

ср. в рассказе о том, как Андрей обычно утолял жажду:

аще налѣзаше лужу кал’ну ѿ дож’да бывшю. приклонивъ колѣнѣ дунаше на ню крѣтмъ трижды и тако пикаше (ЖАЮ, Сол., л. 12) и др.

Нет сомнения в том, что это точно такое же грамматически правильное употребление имперфекта СВ, как в ПВЛ, ЖФП, СПИ и других южнодревнерусских памятниках. При этом ЖАЮ хорошо отражает древненовгородские диалектизмы в разных точках: и лексические, и фонетико-орфографические, и грамматические [Молдован 2000], см. также [Шевелева 1996] и др. Странно, что в отношении имперфекта СВ, если он отсутствовал в новгородской диалектной системе, переводчик повел себя каким-то особым образом и исключительно в этом пункте стал ориентироваться на киевский язык. Отметим, что в отношении еще одного глагольного диалектного различия переводчик ЖАЮ такого исключения не делал: речь идет о вторичных имперфективах с суффиксом *-ыва-/-ива-*, вполне употре-

бительных в южнодревнерусских памятниках уже с конца XI в., а в древненовгородских — несколько позднее [Шевелева 2013 и др.], — в ЖАЮ имперфективы на *-ыва-/-ива-* полностью отсутствуют, что подтверждает более позднее распространение этой модели в древненовгородском диалекте сравнительно с диалектами Южной Руси. С имперфектом СВ в архаичном ЖАЮ картина оказывается иной.

Е. А. Мишина предлагает объяснять более широкое употребление имперфекта СВ в ЖАЮ сравнительно с НПЛ разным типом дискурса [Мишина 2017: 6], что в принципе было бы вполне вероятно, однако не подтверждается заменами имперфекта СВ киевских летописных источников в новгородском летописании — контексты с их типом дискурса здесь одни и те же.

С другой стороны, нельзя забывать, что процесс перестройки системы прошедших времен в вост.-слав. диалектах в раннедревнерусскую эпоху уже явно имел место: данные бытовых текстов несомненно свидетельствуют о возможности бывшего перфекта в XII в. употребляться в разных значениях, в том числе в нарративной цепочке — см., например, новгородскую берестяную грамоту № 724, представляющую такую цепочку *л*-форм («перфектов»), берестяные грамоты № 605, 105 и некоторые другие тексты [Зализняк 2004: 173]. Самое непротиворечивое объяснение древнерусской ситуации в сфере прошедших времен, как кажется, предложено А. А. Зализняком: предполагается отеснение уже в раннедревнерусскую эпоху аориста и имперфекта в сферу пассивного знания при сохранении возможности при необходимости (при создании летописного и под. оригинального текста) их грамматически правильного употребления — ситуация, типологически сходная с современной французской и с современным сербохорватским языком [Там же: 173–174].

Таким образом, можно полагать, что в XII в. имперфект СВ — как и всякий имперфект вообще — находился в сфере пассивного знания носителей древнерусского языка. Однако различие между представленностью перфективного имперфекта в киевских и новгородских летописных источниках, как и различие в этом отношении между новгородскими летописями и ЖАЮ, вряд ли можно объяснить одним только отсутствием имперфекта в разговорном языке вост.-слав. книжников. Остается вопрос, почему киевская книжная традиция прекрасно сохраняет имперфект СВ в XII в., а новгородская — за исключением стоящего особняком ЖАЮ — его уже теряет¹².

¹² Надо сказать, что среди исследованных О. Ф. Жолобовым источников, в которых обнаружился имперфект СВ, новгородское происхождение имеет только Захариинский паримейник 1271 г. [Жолобов 2016а: 75–76]. Первоначальный перевод этого текста очень древний южнославянский, и, хотя несколько форм имперфекта СВ Захариинского паримейника не находят соответствий в других списках паримейника [Там же], вряд ли можно с надежностью атрибутировать их переписчику данного списка конца XIII в. — не исключено существование каких-то более ранних промежуточных списков, к которым восходят эти формы. В любом случае — независимо от локализации списка и даже с учетом исключительно книжного ха-

Видимо, связь с диалектной системой здесь все-таки есть.

По всей вероятности, объяснение этого противоречия между данными новгородских летописей и ЖАЮ следует искать в различии темпов перестройки временной системы и утраты имперфекта СВ между южнодревнерусской и северо-западной диалектными зонами. Судя по всему, переведенное в конце XI в. или по крайней мере не позднее начала XII в. ЖАЮ (см. [Молдован 2000: 106–113]) отражает систему, в которой имперфект СВ употреблялся так же, как в Киеве; может быть, он только начинал становиться несколько менее употребительным. Это система более архаичная, нежели та, которую отражает НПЛ обоих изводов¹³. Данные же новгородских летописей указывают на то, что ко времени создания общего протографа обоих изводов НПЛ в XII в. имперфект СВ уже, скорее всего, новгородскими летописцами заменялся — так, как он позднее будет заменяться в летописях северо-восточной Руси и других более поздних.

По-видимому, диалектное различие между киевской и древненовгородской зонами состояло в том, что в Новгороде имперфект СВ раньше утратился — уже в XII в., тогда как в киевской литературной традиции XII в. он, напротив, особенно употребителен. Вероятно, это различие может быть связано с общим различием в хронологии перестройки системы прошедших времен в восточнославянском ареале: есть основания предполагать, что, вопреки традиционному мнению (см. [Кузнецов 1953: 236–238]), на северо-западе она началась несколько раньше, чем в диалектах Южной Руси (см. [Шевелева 2016])¹⁴.

Специфическая грамматическая форма имперфекта СВ уходит прежде всего (см. [Зализняк 2008: 96]) — в том числе из пассивного знания. Соответственно, раньше выходит из употребления имперфект СВ и из книжной новгородской традиции — когда в киевской традиции он еще вполне употребителен.

Таким образом, можно предполагать, что диалектные различия в употреблении имперфекта СВ между южнодревнерусской и древненовгород-

рактера текста — эти формы очень архаичны для конца XIII в., что делает несколько сомнительным возможность их порождения под пером переписчика Захариинского паримейника (о хронологии утраты имперфекта СВ см. ниже).

¹³ Заметим, что и наблюдения А. М. Молдована о переработке текста ЖАЮ при составлении Проложной редакции жития в XII в. свидетельствуют об архаичности языка перевода памятника для XII в. и о «хронологической отдаленности Проложной редакции от архетипа ЖАЮ. Это дает определенные основания относить перевод ЖАЮ к XI в.» [Молдован 2000: 113].

¹⁴ Более продвинутую ситуацию новгородские источники XII в. показывают и в сфере не книжного плюсквамперфекта (не засвидетельствовано первичное результативное значение, но при этом засвидетельствовано более позднее значение «давнопрошедшего») [Шевелева 2016 и др.], и в некоторых других позициях, в частности в менее архаичном распределении аориста/перфекта в зависимости от режима интерпретации текста в летописях [Шевелева 2009: 170–171].

ской зонами были связаны не с наличием/отсутствием этого образования как такового, а со временем его утраты — в связи с несколько более ранней утратой простых претеритов и выходом имперфекта СВ из сферы пассивного знания в Новгородской земле сравнительно с Киевской.

5. Недавние посвященные имперфекту СВ работы О. Ф. Жолобова и Е. А. Мишиной продвинули нас в понимании специфики семантики этого образования. Для значительной части примеров, которые Ю. С. Маслов относил к «мнимым случаям» имперфекта СВ [Маслов 1954: 128–130], предложена вполне убедительная семантическая интерпретация.

В трактовку основного значения имперфекта СВ (кратно-перфективного) последние работы добавили новый материал и внесли некоторые уточнения, связанные с контекстными типами его реализации. Очевидно, что главным для этого значения в разных его типах является семантический компонент *к р а т н о с т и*, которая может реализоваться не только как классическая повторяемость, но и как «дистрибутивная множественность» субъекта или объекта/адресата (примеры типа: *овъ же колѣнома лице покрываше а другыи ниць задѣхнѣаше сѧ. и ннѣ тако мрътвѣ оцѣпааше...* Супр., л. 233 об.) [Жолобов 2016а: 69, 71–72, 76]¹⁵.

Особенно интересны новые данные относительно более редких значений имперфекта СВ, гораздо менее детально описанных Ю. С. Масловым. Такие значения имперфекта СВ, отделяемые Ю. С. Масловым от кратно-перфективного на основании отсутствия семантического компонента кратности и циклической взаимосвязанности двух или более действий [Маслов 1984/2004: 167], существенно реже представлены в древнерусских и в других древних славянских текстах [Там же; Маслов 1954: 112–116]. Ю. С. Маслов охарактеризовал их в общем виде как модальные различных «оттенков», из-за скудности материала не давая им детального описания [Маслов 1954: 112–113; 1984/2004: 166–167].

В недавних работах такие попытки предприняты — обратимся к имеющимся сейчас данным по этим «некратным» употреблением имперфекта СВ в вост.-слав. памятниках.

Контексты имперфекта СВ с отрицанием Е. А. Мишина рассматривает как особый тип — модальное значение, называемое ею по аналогии с соответствующим значением презенса СВ «имперфектом напрасного ожидания» [Мишина 2012; 2017: 7–11]. Можно спорить о том, оправданно ли все контексты имперфекта СВ с отрицанием относить к этому модальному типу и стоит ли контексты со значением хабитуальных ситуаций трактовать таким образом только на основании наличия отрицания, выделяя их тем самым из области кратно-перфективного значения имперфекта СВ (см. [Мишина 2017: 9]), однако для контекстов многократного действия это

¹⁵ О. Ф. Жолобов отделяет такой тип значения имперфекта СВ от собственно кратно-перфективного [Жолобов 2016а: 71], однако при широком понимании кратности, как кажется, различия не слишком существенны.

особое модальное значение явно просматривается, ср. приведенный выше пример из Начального свода по НПЛмл:

...и примучи Угльчѣ, и вдасть Свѣньдѣльду. И не вдадяшется единъ градъ именемъ Пересѣченъ (922 г., НПЛмл, л. 31) 'не сдавался / не сдался / не хотел отдаться';

ср. также примеры: а Дѣдъ Игоревичъ сѣдѣше кромѣ и не припустаху юго к собѣ (ПВЛ, 1100 г., Лавр., л. 92 = Ипат., л. 94) 'не подпускали / не подпустили / не хотели подпустить'; Посла же Агрипа къ тѣмъ градомъ. и вдавъ роукѣ и оумирѣ а: Гамала же не вдадѣшется надѣкаше бо са на твердость (ИИВ, 420в); ...аще коли хотѣхъ любовь имѣти с тобою. невѣрнии Галичанѣ не вдадѣхут ми (ГЛ, л. 264 об.) '...неверные галичане никогда не позволяли / не хотели позволить' [Мишина 2012: 222–228; 2017: 7–9], ср. также [Маслов 1984/2004: 166].

Аналогия с соответствующим употреблением презенса СВ («напрасного ожидания») — типа: а нынѣ вода новую женоу а мнѣ не вѣдасть ничь-тоже НБГ, № 9 XII в. [Зализняк 1993: 275–279]) здесь вполне уместна: даже круг представленных в таком употреблении глаголов оказывается сходным (см. [Мишина 2017: 8–10]).

Надо сказать, что модальное значение имперфекта СВ возможно и без отрицания. Обратим внимание на яркий контекст из упоминавшихся уже печерских рассказов ПВЛ под 1074 г., в которых употребительность имперфекта СВ очень высока (см. выше, п. 3), — речь в этом контексте идет о затворившемся в пещере старце Исакии:

бѣ же кадъ юго проскура юдина. и // та чересь днѣ. воды в мѣру пѣкаше. приношаше же юму великыи Антонии и подаваше юмоу оконцемъ яко са вмѣстѣше рука. тако приимаше пиццю (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 64 об. = Ипат., л. 71) 'сколько вмещалось (могло вместиться) / сколько вместит рука'.

Этот пример представляет полное — абсолютно точное с точки зрения аспектуально-модального значения — соответствие подобному употреблению презенса СВ, называемому обычно «настоящим потенциальным» [Бондарко 1971: 105–107], и именно презенс СВ заменит впоследствии в таком потенциальном контексте имперфект СВ — так же, как заменил его в контекстах узואльно повторяющегося действия (кратно-перфективных), см. об этом выше. Параллелизм с современным употреблением презенса СВ здесь оказывается никак не менее ярким, чем для кратноперфективного значения и чем для модального значения «напрасного ожидания», — в данном случае соответствие безупречно, т. к. презенс СВ прекрасно вписывается и в перевод контекста¹⁶.

¹⁶ На параллелизм употребления и грамматической семантики имперфекта СВ и презенса СВ (различия здесь состоят только в темпоральном значении формы и

Строго говоря, признак единичности/повторяемости в таких модальных контекстах потенциальности или упорного отказа субъекта совершать действие («напрасного ожидания») оказывается нейтрализован: скорее всего, ситуация имела место не один раз, но в принципе это неважно, не «в фокусе» — так же, как в соответствующих типах употребления презенса СВ¹⁷.

На параллелизм с презенсом СВ указывает и отмечавшаяся исследователями близость значения некоторых контекстов с имперфектом СВ к наглядно-примерному значению, хорошо известному у презенса и также представляющему потенциальную многократность (приводится пример из Супр.: *си́льнѣ дѣломъ прокли́нааше смокъви́цѣ и ісѣхнѣаше* ‘...проклинал смоковницу — и засохла/засыхала’) [Жолобов 2016а: 71; Мишина 2017: 6].

Заметим, что все эти значения имперфекта СВ находятся в сфере потенциальности, т. е. модальности возможности/невозможности или желания/нежелания совершения действия хотя бы один раз. Эта модальность «потенциальности» оказывается связана с семантикой (потенциальной) кратности — отсюда характерное развитие ее у имперфекта, причем у имперфекта СВ, поскольку маркируется перфективность каждого отдельного «образца» действия — так же, как у презенса СВ.

Таким образом, все отмечаемые в памятниках модальные значения имперфекта СВ находят соответствия в подобных значениях и даже типах употребления презенса СВ. В свое время сходство такого рода заметил еще Ю. С. Маслов, однако Ю. С. Маслов решительно противопоставлял эти модальные значения кратко-перфективному по признаку кратности/некратности действия [Маслов 1954: 112–113; 1984/ 2004: 166–167] — в действительности такого жесткого противопоставления в их семантике, как кажется, нет. При этом сходство с соответствующим употреблением презенса СВ и последующая им замена имперфекта СВ наблюдается и в тех и в других случаях.

Обратим внимание на то, что этот замечательный параллелизм имперфекта СВ и презенса СВ указывает на их системное родство (ср. о том же [Жолобов 2016а: 66–67, 76]), а имевшее впоследствии место в истории русского языка замещение всех этих контекстных позиций презенсом в значении прошедшего демонстрирует общую тенденцию к расширению возможностей употребления презенса в разных типах претеритальных контекстов.

Надо сказать, что и презенс НСВ, особенно его употребление в рассказе о сменяющих друг друга прошедших событиях (настоящее историческое

нейтрализуются в претеритальном контексте) уже обращали внимание исследователи — см. об этом [Маслов 1954: 75, 97, 112–133 и др.; Гавранек 1962: 180].

¹⁷ Отметим, что О. Ф. Жолобов также не делает принципиального различия между кратными и некратными значениями имперфекта СВ, видя во всех них семантику дистрибутивной множественности [Жолобов 2016а: 76].

«событийное»), вытесняет в определенный момент возможные прежде в таком контексте формы прошедшего НСВ (исконно имперфекта НСВ в нарративной цепочке — подобное употребление, хорошо известное в вост.-слав. памятниках, называли «консекутивным имперфектом» [Петрухин 2001] или «событийным имперфектом» [Новикова 2016], — позднее прошедшего НСВ на -л- в нарративе [Там же: 14–17]) — это архаическое употребление прошедшего НСВ сохранилось в фольклорных текстах (типа былинного: *Выпрягал кобылку он солову, / Клад сошку на ноженку /.../, Садился на кобылку на солову* [Там же: 14]). Вытеснение прошедшего НСВ из такого типа контекстов можно связывать с растущей активностью употребления презенса в рассказе о прошлом [Там же: 17].

Таким образом, последующее утверждение презенса СВ в рассмотренных нами контекстах имперфекта СВ является частью общей тенденции к распространению презенса на различные типы контекстов прошедшего, в случае презенса СВ — модальные и узуальные.

Эти узуальные и модальные значения имперфекта СВ, воспринятые потом презенсом СВ в контексте прошедшего¹⁸, семантически явно взаимосвязаны. В эпоху старейших памятников все они были известны, в том числе и на вост.-слав. территории.

Очень вероятно, что диалектные различия в разных славянских диалектных зонах в ту эпоху были связаны со степенью употребительности (активности) имперфекта СВ или отдельных его значений (контекстных типов). Следует иметь в виду, что употребление имперфекта СВ вообще в значительной степени факультативно: он легко мог варьироваться в пределах одного контекста с имперфектом НСВ (причем во всех славянских языках, знающих эту форму, — см. примеры выше, см. об этом также [Маслов 1954; Зализняк 2008: 94–95]), а его использование было обусловлено, видимо, большей выразительностью, передачей комплекса соответствующих смыслов, остающихся специально не выраженными при употреблении «нейтрального» имперфекта НСВ. Этот статус семантически маркированной и не строго обязательной к употреблению формы мог приводить к различиям в «популярности» имперфекта СВ между разными славянскими диалектными зонами и даже между разными книжными традициями.

В пределах вост.-слав. ареала в древнерусскую эпоху диалектное различие было связано, очевидно, с более ранней утратой имперфекта СВ на новгородской территории сравнительно с югом Древней Руси — в связи с несколько более ранним процессом перестройки всей системы прошедших времен, распространявшимся, как можно предполагать, в направлении с севера на юг.

¹⁸ Судя по наличию такой замены в НПЛст (см. выше), этот процесс имел место, по крайней мере в Новгороде, уже в древнерусскую эпоху — в XII в.

Литература и источники

Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.

Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

ВыгСб конца XII в. — Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977.

Гавранек 1962 — Б. Гавранек. Вид и время глагола в старославянском языке // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 175–183.

Гиппиус 2001 — А. А. Гиппиус. Рекоша дружина Игоревы... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25. 2001. С. 147–181.

Гиппиус 2006а — А. А. Гиппиус. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 114–251.

Гиппиус 2006б — А. А. Гиппиус. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 1996. С. 56–96.

Гиппиус 2007 — А. А. Гиппиус. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44.

Гиппиус 2010 — А. А. Гиппиус. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 143–199.

Гиппиус 2012 — А. А. Гиппиус. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 17–63.

ГЛ — Галицкая летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

ЖН — Житие Нифонта по списку Выголексинского сборника XII в. (см. ВыгСб).

Жолобов 2015 — О. Ф. Жолобов. О древнерусском имперфекте // Ученые записки Казанского университета. Т. 157, кн. 5. Гуманитарные науки. 2015. С. 28–35.

Жолобов 2016а — О. Ф. Жолобов. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 64–80.

Жолобов 2016б — О. Ф. Жолобов. Простой индикатив в Выголексинском сборнике // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 91–99.

ЖФП — Житие Феодосия Печерского по списку Успенского сборника конца XII в. // Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

ЖФС — Житие Феодора Студита по списку Выголексинского сборника XII в. (см. ВыгСб).

Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–321.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом находок 1995–2003 гг. М., 2004.

- Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008.
- ИИВ — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. М. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I—II. М., 2004.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 1998. Т. 2.
- Крысько 2011 — В. Б. К р ы с ь к о. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь—февраль. Т. II: Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. М., 2011. С. 798–837.
- Крысько 2014 — В. Б. К р ы с ь к о. Об издании Скитского патерика // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 122–148.
- Кузнецов 1953 — П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Кукушкина, Шевелева 1991 — О. В. К у к у ш к и н а, М. Н. Ш е в е л е в а. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1991. № 6. С. 38–49.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. М., 1997. Т. 1.
- Маслов 1954 — Ю. С. М а с л о в. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. М., 1954. Вып. 1. С. 68–138.
- Маслов 1984/ 2004 — Ю. С. М а с л о в. Перфективный имперфект в древнерусском литературном языке // Ю. С. М а с л о в. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 141–175.
- Мишина 2012 — Е. А. М и ш и н а. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 219–241.
- Мишина 2015a — Е. А. М и ш и н а. Несколько наблюдений над употреблением перфективного имперфекта в древнерусском и старославянском (в напрасном ожидании редких форм) // <http://www.inslav.ru/zalizniak80/congatlutions/Mishina.pdf>.
- Мишина 2015b — Е. А. М и ш и н а. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой) // Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития: Сборник статей V Международной конференции комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, Университет Киото Сангё, 2015. С. 164–170.
- Мишина 2017 — Е. А. М и ш и н а. К изучению перфективного имперфекта в древнерусском языке (в сопоставлении со старославянским) // Russian Linguistics. 41/1. 2017. С. 1–15.
- Молдован 2000 — А. М. М о л д о в а н. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Новикова 2016 — М. В. Н о в и к о в а. Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII—XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат., НПЛ).
- Петрухин 2001 — П. В. Петрухин. Syntaxis verbi: Консекитивный имперфект в ранних восточнославянских летописях // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 219–238.
- Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- СПИ — «Слово о полку Игореве» (см. Зализняк 2008).
- Супр. — Супрасльская рукопись // С. Северьянов. Супрасльская рукопись. СПб., 1904.
- Шевелева 1996 — М. Н. Шевелева. «Житие Андрея Юродивого» как уникальный источник сведений по исторической фонетике русского языка (Новые данные о рефlekсах сочетаний редуцированных с плавными) // Актуальные проблемы современной русистики: Диахрония и синхрония (Вопросы русского языкознания, вып. VI). М., 1996. С. 20–65.
- Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 144–174.
- Шевелева 2013 — М. Н. Шевелева. Имперфективы с суффиксом *-ыва/-ива-* в севернорусских летописях // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 205–240.
- Шевелева 2015 — М. Н. Шевелева. Заметка об имперфекте совершенного вида // <http://www.inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Sheveleva.pdf>.
- Шевелева 2016 — М. Н. Шевелева. К вопросу о хронологии процесса перестройки системы прошедших времен в восточнославянском ареале: диалектные различия // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Труды и материалы. М., 2016. С. 280–282.

Резюме

В статье рассматриваются проблемы употребления имперфекта совершенного вида в восточнославянских памятниках на фоне данных старославянских источников; с учетом новейших исследований славянского перфективного имперфекта обсуждаются вопросы его семантики и представленности в разных славянских диалектных зонах XI–XII вв. Высказывается предположение, что в эпоху старейших памятников диалектные различия и различия между разными книжными традициями могли быть связаны со степенью употребительности имперфекта совершенного вида — образования, семантически маркированного и в значительной степени факультативного. В пределах восточнославянского ареала диалектное различие было связано, очевидно, с более ранней утратой имперфекта совершенного вида в древненовгородской зоне сравнительной с южнодревнерусской в связи с несколько более ранним процессом перестройки всей системы прошедших времен и выходом имперфекта совершенного вида даже из сферы пассивного знания.

Ключевые слова: имперфект совершенного вида, южнодревнерусские и древненовгородские памятники, древнерусские летописи, диалектные различия.

Получено 04.11.2017

MARIA N. SHEVELEVA

**ONCE MORE ON THE IMPERFECT OF PERFECTIVE VERBS
IN OLD RUSSIAN TEXTS**

The paper examines the use of the perfective imperfect in Old Russian texts of southern vs. Novgorodian dialect areas against the background of Old Church Slavonic; questions of its currency and semantics are discussed. The hypothesis is suggested that in the 11th — 12th centuries distinctions among different dialects and text traditions included the extent of frequency of the perfective imperfect, inasmuch as it was a semantically marked and largely optional form. Within the East Slavic dialect area distinction between the southern Old Russian twelfth-century texts, where the perfective imperfect was common, and the Novgorodian chronicles, where it was not in use, may be conditioned by an earlier process of general transformation of the Past Tense system and the loss of the perfective imperfect even from the domain of passive knowledge.

Keywords: Old Russian, Perfective Imperfect, dialect distinctions, southern Old Russian texts, Novgorodian chronicles.

Received on 04.11.2017